

Улица Островского, 51. Этот адрес привел меня к старшей актрисе азербайджанского театра Александре Оленской (ныне Лейла ханум), сестре покойной Евы Оленской, народной артистки республики.

Я постараюсь передать читателям волнующий рассказ актрисы.

— СЕМЬЯ У НАС была не-маленькая: отец, мать и тринадцать детей. Жили бедно. По соседству с нами жила многодетная семья Нагиевых. Их дети и мы вместе были дружной озорной ватагой. Над нами жил офицер русской армии в отставке Ибрагимбек Абединов. Участник любительских спектаклей, Абединов вскоре, вовлек в них братьев Нагиевых. Сборы со спектаклей шли в пользу студентов азербайджанцев, обучающихся в Петербурге и Москве.

Однажды, это было в 1907 году, братья Нагиевы пригласили меня на репетицию и стали уговаривать выучить женскую роль в комедии. Мне было тогда тринадцать лет. Так открылся мне путь в театр.

...В афишах рядом с фамилиями азербайджанских любителей-актеров стояла и моя: Шура Оленская, я была слишком молода, чтобы именоваться Александрой. Моя младшая сестра Ева Оленская в то время обучалась в женской прогимназии, так называемой церковно-приходской школе. А в 1909 году ей, девятилетней девочке, довелось впервые выступить в роли мальчика — сына кузнеца Гаве в драме Ш. Сани «Кузнец Гаве». Днем — учеба в гимназии, вечером — репетиции. Гимназия находилась напротив собора Александра Невского по Персидской улице (ныне ул. Полухина), священник этого собора обязывал гимназисток участвовать в церковном хоре, который отнимал много времени к неудовольствию Евы, трепетно ожидавшей часа назначенной репетиции.

Постепенно наша любительская труппа слилась с другими драматическими коллективами, и вскоре мы вошли в труппу общества «Ниджат». Тогда мы стали выступать в бывшем те-

атре Тагиева, в здании Ислам-илие (ныне Академия наук), позднее — в рабочем клубе.

Здесь мы встретились с лучшими профессиональными актерами азербайджанской сцены: Г. Араблинским, Сидги Рухуллой, Абульфатом Вали и с актрисами русского происхождения Миславской, Михайловой, Степановой — первыми ла-

Первой вступила на сцену

сточками в истории азербайджанского театра. Игнали М. Ф. Ахундова, Н. Б. Везирова, А. Р. Ахвердова, Шиллера, Гоголя...

Наш театр жил и развивался в бурное время, когда народ был вовлечен в политическую борьбу против насилия и произвола. И мы понимали, что от нас, актеров, во многом зависит идейное формирование народа.

Выезжая за пределы Баку на гастроли, мы старались познакомить зрителей с нашим национальным искусством. Тогда в театре Тагиева существовали закрытые ложи для мусульманских женщин. Мы изображали на сцене мусульманских женщин и нередко подвергались за это нападкам фанатиков и мракобесов, ведь за занавеской, как в клетке, сидели азербайджанки. Помню, как однажды Еве угрожали расправой и она всю ночь до утра просидела в артистической уборной театра Тагиева, боясь выйти на улицу.

Чтобы охватить большие зрительские массы, нам часто приходилось

выступать в наскоро сколоченных балаганах прямо на улице. А порой нам отказывали в помещении для театра. Но трудности не могли помешать нам продолжать любимое дело. Уже тогда мы стали ведущими артистками не только драматической труппы, но и музыкальной, которая вместе с драмами ставила оперы и оперетты азербайджанских композиторов.

Так, в музыкальной труппе братьев Гаджибековых мне довелось спеть в операх и опереттах Уз. Гаджибекова «Асли и Керим», Хуришуд-бану в спере «Шах Аббас и Хуришуд-бану», Гюльчохру и Гюльназ в «Аршин малалане» и «О олмасын, бу олсун». Тогда я впервые заметила артиста Агдамского, исполняющего женские роли в музыкальных спектаклях.

Ева одной из первых женщин-актрис сыграла Телли и Джохан халу в «Аршин малалане» и Сенем в «О олмасын, бу олсун». Я и сейчас помню арию Хуришуд-бану... Это было очень трудно — выучить вокальную партию в оперном спектакле. Помогли все. Репетировали много, особенно до-ставалось таристу.

Ушла я из театра в 1924 году, а Ева продолжала работу до конца своей жизни, до 1959 года...

Ева Оленская славно прослужила ровно полвека на азербайджанской сцене. Ей отдава-

ла свои силы, знания и талант. Создание на сцене целой галереи женских образов различных эпох, характеров и национальностей, утонченная разработка психологических особенностей каждого образа, отточенные жесты, безупречная дикция ставят имя Евы Оленской в ряд лучших мастеров азербайджанской сцены.

«Вы, Евгения Никитична, первой вступили на нашу сцену, когда азербайджанская сцена не имела женщин-актрис. Мужчины исполняли женские роли. Созданные вами блестящие образы, как-то: Солмаз — «Невеста огня», Гюлюш — «Севиль», Зарнигяр — «Пери Джаду» и многие другие, созданные вами с большим мастерством, долгие годы сохраняются в памяти как у зрителя, так и в нашем коллективе», — писал в своем адресе коллектив театра им. М. Азизбекова 13 февраля 1950 года в день 50-летнего юбилея актрисы.

Их 200 — неповторимых образов, созданных ею и сохранившихся в памяти очевидцев, в числе лучших — Гары — старуха-сводня в народной драме Самеда Вургана «Вагиф». Небольшая эпизодическая роль, а в исполнении Евы ханум — колоритный портрет восточной свахи.

Она умела найти столько неподражаемых красок, так великолепно оттенить их интонациями, что образ становился четким, обобщенным и живым.

В 1933 году, когда азербайджанскому театру исполнилось 60 лет, Еве Оленской было присвоено почетное звание — Герой Труда, потом — звание заслуженной артистки и, наконец, высшее правительственное звание — народной артистки республики.

Адиля ИСКЕНДЕРОВА,
театровед.

Баку и БАКИНЦЫ

★

Баку (впервые вытисн.) 1964, 29 VI